

Корсунский И. Н. Профессор А. П. Смирнов († 1 декабря 1896 г.):
[Некролог] // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 1. С. 126–143
(2-я пагин.).

Профессоръ А. П. Смирновъ.

(† 1 декабря 1896 г.).

*Свѣтлыиикъ ногама моима законъ
Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ
Псал. 118, 105.*

Когда заводятъ рѣчь о какомъ бы то ни было профессо-
рѣ или ученомъ, то, при разговорѣ о соответствующей
его положенію дѣятельности, естественно спрашиваютъ и о
томъ, какія „изслѣдованія“ сдѣлалъ или напечаталъ онъ въ
области своей науки. Въ самыхъ названіяхъ: „изслѣдова-
нія“, „разысканія“ и под. скрывается образъ путника,
шествующаго по чьимъ-либо и по какимъ-либо, болѣе или
менѣе замѣтнымъ слѣдамъ, или пролагающаго новые слѣды
по дорогѣ еще не пройденной, стремящагося къ какой-либо
опредѣленной цѣли, разыскивающаго то, что относится и
ведетъ къ этой цѣли и под. Цѣль бываетъ перѣдко отда-
ленна и путь къ достиженію ея длиненъ, окутанъ мракомъ
то сомнѣнія, а то и прямо *нощи невѣдѣнія*. Истина, ко-
нечно, служить путнику свѣточемъ при его болѣе или ме-
нѣе продолжительномъ шествіи, изслѣдованіи, разысканіи.
Но не даромъ еще древніе недоумѣвали и вопрошали: *что
есть истина?* (Іоан. 18, 38) и многіе, какъ извѣстно,
считавшіеся учеными, не только разно, не рѣдко до про-
тиворѣчія другъ другу, понимали и толковали истину, но
и извращали ее, намѣренно или не намѣренно ¹⁾. Только
законъ Божій, Богооткровенное слово Писанія есть без-
спорная *истина* (Псал. 118, 142), и вмещающій сему за-

¹⁾ Это, по слову св. Василія великаго, суть *παραδιδόχαί τῆς ἀληθείας*—
„поддѣлыватели истины“ (подобно дѣлателямъ фальшивой монеты). См. св.
Василія великаго 2-ю бесѣду на шестодневъ. гл. 2. въ началѣ.

кону, слову, руководимый имъ изслѣдователь не заблудить отъ истины, не споткнется на пути своего слѣдованія къ цѣли, на пути изслѣдованія. Такимъ именно изслѣдователемъ—ученымъ и былъ скончавшійся 1 декабря 1896 года заслуженный экстраординарный профессоръ Московской Духовной Академіи Андрей Петровичъ Смирновъ, многочисленныя изслѣдованія и статьи котораго давали ему полное право говорить о себѣ предъ Богомъ: *свѣтилникъ ногама моима законъ Твой* ¹⁾, и *свѣтъ стезямъ моимъ* (Псал. 118, 105) и котораго шествіе по жизненному пути также согласовалось съ этимъ изреченіемъ слова Божія, какъ видно будетъ изъ предлагаемаго, краткаго даже, очерка этого пути почившаго.

А. П. Смирновъ, сынъ священника села Колегаева, Мологскаго уѣзда Ярославской губерніи, родился 9 ноября 1843 года и слѣдовательно скончался лишь 53-хъ лѣтъ съ нѣсколькими днями, стало быть въ полномъ развѣтѣ силъ мужества и духовныхъ дарованій. Получивъ прочныя начатки добраго и правильнаго домашняго воспитанія подъ надзоромъ и руководствомъ родителей, начальное школьное образованіе Андрей Петровичъ получилъ въ Попехонскомъ духовномъ училищѣ Ярославской же губерніи, а среднее въ Ярославской духовной семинаріи, всюду обнаруживая выдающіяся умственные способности и доброе направленіе. Въ 1866 году, по окончаніи семинарскаго курса, онъ, для высшаго образованія, поступилъ въ Московскую Духовную Академію и принять былъ по экзамену первымъ студентомъ. Съ отличнымъ успѣхомъ проходилъ онъ и курсъ академическаго образованія, окончивъ этотъ курсъ въ 1870 году въ числѣ первыхъ магистровъ и бывъ удостоенъ ученой степени магистра въ 1871 году (24 сентября) за свое сочиненіе: *Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи*, печатанное по частямъ въ журналѣ *Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія* за 1873 и 1874 годы и вышедшее за тѣмъ довольно большою (стр. 135 + 233) отдѣльною книгою (Москва, 1874), но, къ сожалѣнію, въ весьма ограниченномъ числѣ (100) экземпляровъ. Какъ одинъ изъ лучшихъ

1) Съ еврейскаго шире: *слово Твое*.

воспитанниковъ Академіи, въ числѣ которыхъ сдѣлались известными на учено-литературномъ и другихъ поприщахъ служенія—бывшій ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи, а нынѣ ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, одинъ изъ плодовитѣйшихъ учено-литературныхъ дѣятелей нашего времени, А. П. Лебедевъ;—Московскіе протоіереи, также бывшіе наставники въ Московской Духовной Академіи І. Д. Петропавловскій и Н. М. Иванцовъ;—И. А. Пятницкій, въ монашествѣ Іаковъ, нынѣ преосвященнѣйшій епископъ—викарій Кіевской митрополіи;—Московскіе же протоіереи П. А. Смирновъ и П. Н. Сахаровъ и др., Андрей Петровичъ имѣлъ полное право на занятіе профессорской кафедры въ самой Академіи. Въ то время Московская Духовная Академія, вмѣстѣ съ другими академіями, подвергалась преобразованію по уставу 1869 года и именно въ 1870 году вводимъ былъ въ дѣйствіе въ ней самый этотъ уставъ, которымъ вносились большія измѣненія въ прежнюю постановку академическаго курса наукъ и значительно увеличено было число кафедръ, частію новыхъ, частію выдѣленныхъ въ особія изъ прежнихъ соединенныхъ съ другими кафедръ. Между прочими такимъ образомъ выдѣлились въ особія кафедры—Библейская исторія, прежде соединявшаяся съ церковною исторіею и Русская гражданская исторія, соединявшаяся прежде съ греческимъ языкомъ. Для замѣщенія новыхъ или выдѣленныхъ въ особія кафедры нуженъ былъ притокъ новыхъ ученыхъ силъ, въ которыхъ Академія, благодареніе Богу, не имѣла недостатка какъ во всякое время, такъ и тогда, изъ лучшихъ молодыхъ воспитанниковъ своихъ выбирая самыхъ лучшихъ, — первыхъ магистровъ. А. П. Смирновъ, окончившій курсъ третьимъ по списку магистромъ (первымъ кончилъ курсъ І. Д. Петропавловскій, а вторымъ А. П. Лебедевъ—вышеупомянутые) и работою надъ магистерскимъ сочиненіемъ возбуживъ въ себѣ особенно сильный и живой интересъ къ отечественной исторіи, разсчитывалъ и желалъ запясть кафедру Русской гражданской исторіи. Но Господь судилъ иначе. Онъ рѣшилъ приблизить Андрея Петровича, какъ избранный сосудъ Свой, къ болѣе глубокому и живому источнику священной и освящающей всякое человѣческое знаніе

воды—слову Божію. А. П. Смирновъ назначенъ былъ на кафедрѣ Библейской исторіи, которую, изучая все болѣе и болѣе при помощи немерцающаго *свѣтильника* — слова Божія, *закона* Божія и въ *свѣтъ* слова Божія созерцая и уразумѣвая законы судебъ и самыя судьбы народа Божія, мало по малу настолько полюбилъ и такъ глубоко, всецѣло проникся питательными соками ея первоисточника, — Библии, что при свѣтѣ этого спасительнаго первоисточника и при отраженномъ въ немъ свѣтѣ судебъ народа Божія—древняго Израиля созерцалъ едва не всѣ явленія и въ исторіи новаго Израиля, кровію Христовою искупленнаго, т. е. въ исторіи христіанскихъ народовъ и ближе всего—народа Русскаго ¹⁾. Такой оттѣнокъ имѣли нерѣдко и академическія лекціи покойнаго профессора и имѣютъ по большей части его печатныя изслѣдованія и статьи, простирающіяся на цѣлое истекшее двадцатипятилѣтіе его профессорской и учено-литературной дѣятельности. Такъ какъ эта дѣятельность уже достаточно раскрыта была въ прошломъ 1895 году, когда академія чествовала 25-лѣтіе учено-литературной дѣятельности А. П. Смирнова и А. П. Лебедева ²⁾, то въ настоящее время мы не будемъ касаться ея въ подробностяхъ, добавивъ лишь къ списку исчисленныхъ тогда сочиненій Андрея Петровича напечатанную уже въ январьской книжкѣ *Богословскаго Вѣстника* за 1896 годъ статью его: *Сроки скорби и памяти объ умершемъ* и сверхъ того указавъ еще на одинъ изъ трудовъ его,—на участіе въ трудахъ комиссіи по „составленію объясненій къ русскому переводу историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта“, — начавшееся еще въ 1877 году, а кончившееся лишь въ 1881 году, когда комиссія и представила въ Совѣтъ эти „Объясненія неудобопонятныхъ для читателей неспеціалистовъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ русскомъ переводѣ“ означенныхъ книгъ ³⁾. Такъ, въ неутомимой профес-

¹⁾ См. это сравненіе новаго Израиля съ древнимъ у А. П. Смирнова въ статьѣ: *Сроки скорби и памяти объ умершемъ*, напечатанной въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* за 1896 г., январь.

²⁾ См. *Богословскій Вѣстникъ* за 1895 г., ноябрь. Объ А. П. Смирновѣ срав. также *Воскресный День* за 1895 г., № 41.

³⁾ Всю исторію этого дѣла можно видѣть въ нашемъ изслѣдованіи о трудахъ Московской дух. академіи по переводу св. Писаній и твореній

сорской, съ ея многосложными обязанностями и разнообразными порученіями, и учено-литературной дѣятельности, плодами которой были, съ одной стороны, цѣлый, тщательно обработанный курсъ лекцій по Библейской исторіи Ветхаго Завѣта отъ призванія Авраама до Рождества Христова ¹⁾, также разнаго рода мнѣнія, отзывы, записки и под., ²⁾ а съ другой—до 79-ти статей и болѣе или менѣе обширныхъ изслѣдованій по русской церковной и отчасти гражданской исторіи и археологіи, по библейской и отчасти церковной исторіи, то научнаго, а то популярно-публицистическаго характера (съ примѣненіемъ библейскаго, и отчасти церковнаго, къ современнымъ событіямъ, лицамъ и проч., или, наоборотъ, съ поучительными выводами о современномъ намъ, при разсмотрѣніи его, на основаніи стихій библейскихъ и церковныхъ) и, наконецъ, по критикѣ и библиографіи ³⁾, прошло все истекшее двадцати-пятилѣтіе служенія почившаго Церкви, наукѣ и обществу.

Что служеніе почившаго А. И. Смирнова было на пользу Церкви, не безплодно прошло для науки и направлено было ко благу общества и было истиннымъ благомъ для послѣдняго, наилучшимъ доказательствомъ этого служатъ печатныя изслѣдованія и статьи его, которыя, какъ видно уже изъ указаннаго сейчасъ распредѣленія ихъ по предметамъ содержанія, почти всѣ церковнаго характера, строго православнаго направленія, при чемъ весьма многія изъ нихъ написаны въ духѣ Библии и при библейскомъ освѣщеніи содержанія ихъ, проявляютъ въ себѣ глубоко-патріотическое настроеніе автора и вѣрно служатъ идеаламъ истины и добра, будучи и по изложенію въ самой большей своей части художественно-прекрасны. Для подтвержденія этого

св. Отцевъ на русскій языкъ за 1814—1889 годы въ *Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ за 1889 г.*, ч. XLV, стр. 573—586.

¹⁾ Курсъ этотъ доселѣ остается еще не напечатаннымъ, а въ напечатанныхъ статьяхъ А. И. Смирнова предлагаются иногда лишь болѣе или менѣе значительныя выдержки изъ него, но большей части впрочемъ переработанныя для цѣлей повременной печати.

²⁾ Эти мнѣнія, отзывы и проч. можно читать въ *Журналъ Свѣтъ Моск. дух. академіи* за разные годы.

³⁾ Перечисленіе статей и изслѣдованій А. И. Смирнова и распредѣленіе ихъ по предметамъ содержанія ем. въ упомянутой выше юбилейной статьѣ въ *Вогослов. Вѣстникъ* за 1895 г., ноябрь.

достаточно будетъ изъ многого, для примѣра, взять хотя бы немногое. Кромѣ помянутой магистерской диссертациі, о которой, какъ трудѣ капитальномъ, лестный отзывъ данъ былъ въ свое время даже такимъ знатокомъ дѣла, какъ покойный митрополитъ Московскій Макарій († 1882) ¹⁾, и которая прямо относится къ русской церковной исторіи, всѣ почти остальные научныя изслѣдованія и статьи Андрея Петровича относятся къ области Библейской исторіи и ея библиографіи. Но какъ онѣ написаны? Пользуясь всѣмъ существеннымъ изъ научныхъ данныхъ, добытыхъ вѣковыми трудами западныхъ ученыхъ и не упуская изъ виду самыхъ мелкихъ подробностей въ научномъ обсужденіи библейскихъ событій, лицъ и проч., самыхъ незначительныхъ открытій въ области своего предмета, какъ предмета науки, между прочимъ съ самаго начала своей учено-профессорской дѣятельности обративъ серьезное вниманіе на важное открытіе новѣйшаго времени — ассирійскія клинообразныя надписи, такъ близко соприкасающіяся нерѣдко съ предметами, событіями и проч. библейской исторіи ²⁾, Андрей Петровичъ однакоже никогда не увлекается безусловно такъ называемымъ, нерѣдко неосновательнымъ, „последнимъ словомъ науки“, не угодливается трости, колеблемой всякимъ вѣтромъ ученія (см. Матѳ. 11, 7 и Ефес. 4, 14), но твердо держится золотого правила, преподаннаго святымъ Апостоломъ: *вся искушающе, добрая держите* (1 Сол. 5, 21). Имѣя постоянно предъ собою, какъ бы *свѣтильникъ ногамъ* своимъ, при научномъ изслѣдованіи, *законъ* Божій, слово Божіе и ученіе святой Церкви и имъ провѣряя истинность научныхъ открытій, почившій профессоръ, тонкимъ критическимъ анализомъ своимъ входя въ самую глубину ихъ, *искушаетъ*, испытываетъ ихъ, какъ золото въ горнилѣ, и только уже чистыя, прозрачныя, какъ утренняя роса, капли, только чистое, свободное отъ негодныхъ, стороннихъ примѣсей, золото вводитъ въ область отечествен-

¹⁾ Другіе отзывы объ этой диссертациі и о нѣкоторыхъ иныхъ статьяхъ А. П.—ча смъ въ той же юбилейной статьѣ *Богосл. Вѣстника* за 1895 г., ноябрь.

²⁾ См. напр. его статью: „Историческія книги Библии и ассирійскія клинообразныя надписи“ въ *Ученіяхъ въ Обществѣ любит. наукъ пров.* за 1873 г., октябрь, стр. 339—375.

лой науки. Вотъ, наиримѣръ, его статья въ *Православномъ Обозрѣнїи* за 1876 годъ, октябрь, стр. 232—270: „Библейскіе рассказы и ихъ источники, указываемые наукою“. Въ ней авторъ собственно рѣшаетъ вопросъ, можно ли принять *безусловно* высказанную однимъ извѣстнымъ новымъ ученымъ мысль, что въ дѣлѣ толкованія Библии и ея сказаній комментаторъ долженъ искать помощи, въ вопросахъ не чисто богословскихъ, у филологовъ, историковъ и другихъ спеціалистовъ по отдѣльнымъ отраслямъ знаній. Анализируя эту мысль и приводя наглядные примѣры того, какъ спеціалисты нерѣдко, увлекаясь своимъ предметомъ, переходятъ границы должнаго и не имѣютъ уваженія къ чужимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, своими произвольными толкованіями содержанія Библии ниспровергаютъ установленныя тысячелѣтіями религіозныя вѣрованія, основанныя на Библии, обращая едва не все содержаніе послѣдней въ миѳъ, въ заблужденіе, А. П. Смирновъ приходитъ, конечно, къ отрицательному рѣшенію поставленнаго вопроса. Ибо, говоря его словами, „посредствомъ всякихъ и удачныхъ и неудачныхъ комбинацій, игры словъ, далекихъ подобій и неподобныхъ сравненій легко превратить древнѣйшую исторію міра и человѣчества въ миѳъ ассирійскій, санскритско-арійскій и т. п.; но не такъ легко эти миѳы, какъ они содержатся у тѣхъ народовъ, превратить въ исторію, какую далъ народъ еврейскій. Въ этомъ случаѣ у науки не только не достаетъ средствъ созидательныхъ; но она не дѣлаетъ на нихъ и никакого намека, показывая намъ только свои орудія разложенія“ ¹⁾). Или, вотъ еще актовая рѣчь Андрея Петровича, подъ заглавіемъ: „Новое построеніе исторіи Еврейскаго народа и новыя сужденія объ историческихъ лицахъ его“ ²⁾). Изслѣдованіе, ближе всего, имѣетъ въ виду труды: Von *Hommel*, *Die Semitischen Völker und Sprachen*, 1883. *Geschichte Babyloniens und Assyriens* въ *Allgemeine Geschichte*, von W. *Oncken*. Abth. 95. 1885;— *Kaulen*, *Assyrien und Babylonien*, 1885 и нѣк. др. Указавъ, какъ заманчивы построенія исторіи Еврейскаго народа въ

¹⁾ *Правосл. Обозрѣніе* 1876 г., ч. III, стр. 270.

²⁾ Въ *Приб. къ Твор. св. Отц.* 1887, ч. XI, и въ брошюрѣ: *Годичный отчетъ въ Моск. дух. академіи 1 октября 1887*. М. 1887.

этихъ и подобныхъ трудахъ, опирающихся, по видимому, на самыхъ неопровержимыхъ основаніяхъ, на памятникахъ древней Ассиріи и Вавилоніи, съ ихъ клинообразными надписями и другими свидѣтельствами, все болѣе и болѣе открываемыхъ за новѣйшее время и какъ увлекаются сообщаемыми въ нихъ открытіями даже апологеты христіанства, видя въ нихъ, мнимое ли то или дѣйствительное, подтвержденіе истинъ откровенія Божественнаго, нашъ изслѣдователь уже въ самомъ началѣ своей рѣчи предостерегаетъ слушателя или читателя ея отъ излишняго увлеченія всѣмъ этимъ, и прямо выставляетъ на видъ то роковое явленіе въ области новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій по библейской исторіи, что „чѣмъ болѣе накапливается данныхъ для удостовѣренія истинности Еврейской исторіи, какъ она предложена намъ въ св. книгахъ, тѣмъ громче раздаются по истинѣ Едомскіе вопли: разрушайте, разрушайте до основанія (Псал. 136. 7)“¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что сами новые реконструкторы Библейской исторіи (наур. Штаде) громко заявляютъ, что ихъ исторія Еврейскаго народа „стремится къ истинѣ и только къ истинѣ“²⁾, въ ихъ этомъ новомъ построеніи исторіи „все выходитъ совсѣмъ наоборотъ, пещели какъ прежде ее представляли“³⁾, что А. П. Смирновъ до наглядности ясно доказываетъ на примѣрѣ исторіи царствованія Манассіи⁴⁾, котораго новые реконструкторы, вопреки свидѣтельству Св. Писанія, изображаютъ какъ благоумнаго данника Ассиріи, потому спокойно правившаго своимъ царствомъ цѣлыхъ полстолѣтій, потому же естественно чтившаго солнце, луну и звѣзды, вообще все воинство небесное (сабеизмъ) по примѣру Ассиріянъ и въ угоду имъ, и т. д., между тѣмъ какъ сказанія (Библия) о наказаніи Божіемъ за грѣхи его и о помилованіи послѣ раскаянія суть будто бы только легенды, не имѣющія для себя историческаго основанія. „Итакъ истина. — проницески замѣчаетъ Андрей Петровичъ, — есть привиллегія только крайняго протестантства. Но если такъ, если оно находится въ

1) *Годичный актъ 1887 года*, стр. 11

2) Тамъ же стр. 18.

3) Тамъ же. стр. 13.

4) См. тамъ же. стр. 18 и дал.

такихъ выгодныхъ условіяхъ для изслѣдованія и, какъ орაკуль, можетъ изречь только истину: чѣмъ же объясняется то странное явленіе, что этихъ истинъ является столько же, сколько лицъ, заявившихъ притязаніе высказывать ее? Не связанные авторитетнымъ голосомъ Церкви, которая будто бы защищевія даже лжи требуетъ, свободные критики — историки согласны между собою только въ главнѣйшемъ пунктѣ, — въ отрицаніи подлинности и неповрежденности большей части книгъ Ветхаго Завета и особенно Пятокнижія“¹⁾). Итакъ, „что же послѣ разрушенія прежнихъ иллюзіи оставляютъ намъ въ наслѣдство, взамѣнъ ихъ, лучшаго и прочнаго реконструкторы нашихъ дней, увѣряя и богословы и не богословы, что имъ, также какъ и тѣмъ, одинаково близко къ сердцу достоинство Священнаго Писанія и христіанской религіи, имъ утверждаемой?—Ничего. Еще Штраусъ подмѣтилъ всю фальшь соблюденія этого не нужнаго декорума, не могущаго никого надолго обмануть, и смѣло снимая овчія одежды съ волковъ, думавшихъ скрыть подъ ними свои хищническіе истинники, поставилъ предъ ними ясную дилемму: или все, или ничего. Или христіанство — съ его непререкаемымъ авторитетомъ и свидѣтельствомъ за ветхозавѣтную религію и исторію; или же нѣтъ Христа, нѣтъ церкви, нѣтъ богодарованнаго культа, нѣтъ откровенной религіи“²⁾). Иначе сказать, Андрей Петровичъ, самъ хорошо изучивъ Библію и вѣруя въ истину богооткровенной религіи и священной исторіи, а въ тоже время всесторонне изучивъ и всю повѣйшую литературу своего предмета, также какъ и древнюю, видѣлъ ясно всю, часто весьма тонкую, ложь отрицательнаго направленія, господствующаго въ западной протестантской наукѣ, только разрушающаго, а не созидающаго то, что въ теченіи тысячелѣтій было такъ дорого человечеству, чѣмъ пиналось и назидалось христіанское сознаніе, что служило опорой, основаніемъ для сплоченія всѣхъ, многихъ числомъ, членовъ христіанскаго общества во единое тѣло Церкви и что признаваемо было доселѣ непререкаемою истиною, и рѣшилъ, какъ истинно вѣрующій и вѣрный сынъ Церкви, во имя той же науки и пользуясь

¹⁾ Тамъ же, стр. 51.

²⁾ Тамъ же стр. 58.

ея же основаніями, предостеречь юную библейскую науку въ нашемъ отечествѣ отъ увлеченія означеннымъ направлениемъ и утвердить ее на вѣковѣчныхъ устояхъ вѣры, слова Божія и церковнаго преданія. Съ этою цѣлю, разоблачая новѣйшія мудрованія, несогласныя съ такими устоями, онъ старался науку возвести къ ея коренному, прямому и самому прочному основанію—слову Божию, Библии, принимаясь такимъ образомъ, какъ и слѣдовало, за созиданіе этой науки не съ кровли, а съ фундамента ¹⁾. И въ этомъ—большая заслуга его для отечественной Церкви и науки.

Съ другой стороны, глубоко убѣжденный, согласно съ словомъ Божиимъ и церковнымъ ученіемъ, въ прообразовательномъ значеніи ветхозавѣтнаго въ отношеніи къ новозавѣтному, онъ и событія Христовой Церкви, ближе и болѣе всего отечественной, русской, ея предметы, лица и проч. разсматриваетъ, какъ замѣчено было раньше, въ свѣтѣ ветхозавѣтной библейской исторіи, въ свѣтѣ Библии, Библиею провѣряетъ правильность современныхъ взглядовъ на вещи, изъ нея же дѣлаетъ поучительныя соображенія и выводы относительно настоящаго и будущаго, и т. д. Такъ, напримѣръ, вотъ статья Андрея Петровича: „Тяжелая пора и надежды. (Страница изъ библейской исторіи)“, напечатанная въ *Душеполезномъ Чтеніи* за 1893 годъ, декабрь. Заглавіе довольно замысловатое, какъ и во многихъ статьяхъ автора; но въ то же время и довольно заманчивое для чтенія. Читаемъ статью и видимъ обычную у автора параллель между обстоятельствами изъ библейской ветхозавѣтной исторіи и обстоятельствами современной намъ политической жизни. Оказывается что тяжелая пора состояла для ветхозавѣтнаго Израіля въ непрестанныхъ почти войнахъ его съ сосѣдними народами и сосѣднихъ народовъ съ нимъ, даже Израільскаго царства съ Іудейскимъ, а надежды возбудило необыкновенное обстоятельство—заключеніе мира между Іосафатомъ царемъ Іудейскимъ и Ахавомъ царемъ Израільскимъ,—надежды, не „выростетъ ли при такихъ условіяхъ вмѣсто терновника кипарисъ и вмѣсто крапивы миртъ (Иса. 55. 13), т. е. не наступитъ ли желанный покой для людей и самой земли послѣ опустоши-

¹⁾ Срав. тамъ же, стр. 13.

тельныхъ войнъ“¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ и по связи съ тѣмъ мысль автора, писавшаго эту статью въ концѣ осени, переносится къ приближавшемуся празднику Рождества Христова, „когда православная Церковь, соликуествуя явившемуся внезапно, въ древнее время, многочисленному небесному воинству, вмѣстѣ съ нимъ и его словами славить Бога и взываетъ: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣкахъ благоволеніе! (Лук. 2, 13. 14)“ и когда особенно русская православная Церковь воспоминаетъ благодарственнымъ и молебнымъ пѣніемъ „избавленіе Церкви и державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадцати языкъ“ и молится о дарованіи всеобщаго мира, объ обращеніи къ Богу сердецъ враговъ нашихъ, и проч.²⁾. А при этой мысли авторъ живо представляетъ, какъ именно въ 1893 году тѣ самые Галлы, т. е. французы, которые въ 1812 году, въ союзѣ съ 20-ю языками, дѣлали непопущаемое нашествіе на Россію, теперь совершенно измѣнили свои чувства въ отношеніи къ Россіи, изъ непріязненныхъ обратившіяся въ мирныя, даже дружественныя, при чемъ „въ высокой дружбѣ“ съ Россійскимъ Императорскимъ Домомъ республиканская Франція торжественно привѣтствуетъ *„новую надежду на миръ и новую гарантію для цивилизаціи“*, а телеграмма Російскаго Императора Александра III на имя президента Французской республики (Карно) подтверждаетъ надежду, что проявившіяся въ то время живыя симпатіи между обоими народами и государствами *„будутъ содѣйствовать упроченію общаго мира — предмета ихъ усилій и самыхъ постоянныхъ желаній“*³⁾. Заключение статьи: въ виду такихъ торжественныхъ заявленій о мирѣ между двумя великими народами и государствами въ мирѣ, „съ какимъ благодарственнымъ умиленіемъ, въ наступающій день явленія на землю Князя мира (Иса. 8, 6) воспомнимъ мы вмѣстѣ пѣснь ангельскую: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуѣкахъ благоволеніе! (Лук. 2, 14). И не мы одни: вся земля будетъ отдыхать, покоиться, восклицать отъ радости; и кипарисы будутъ ра-

¹⁾ Отдѣльнаго описанія, стр. 15. Москва. 1893.

²⁾ Тамъ же, стр. 15, 16 и дал.

³⁾ Тамъ же стр. 22.

доваться, и кедръ Ливанскіе, говоря: съ этихъ поръ никто не приходитъ рубить насъ (Иса. 14, 7. 8)¹⁾. Подобнаго же характера статья: „Обычныя дѣла въ старыя времена“, напечатанная въ *Душепол. Читеніи* за 1895 г., май, когда уже не было въ живыхъ Царя-миротворца Императора Александра III, но, къ счастью народовъ, Августѣйшій Сынъ и Преемникъ власти Его, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II. при самомъ вступленіи Своемъ на престолъ, успокоилъ умы всѣхъ, объявивъ во всеуслышаніе свою рѣшительную волю—вѣрно памятовать „завѣты усопшаго Родителя“ Своего и всегда имѣть единою дѣлю мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи“²⁾, такъ что по сему весна, во время которой въ Ветхомъ Завѣтѣ цари обыкновенно выступали въ гибельные и опустошительные походы военные³⁾, теперь, къ счастью, вселяетъ въ сердца всѣхъ также надежду долгаго и прочнаго мира.—Такое же мѣткое сопоставленіе современнаго съ ветхозавѣтнымъ, такое же глубокое назиданіе современныхъ поколѣній на твердомъ основаніи слова Божія и ученія Церкви, освѣщеніе современныхъ событій яркимъ свѣтомъ Библіи—(Ветхаго Завѣта по преимуществу), при неизмѣнномъ горячо-патріотическомъ настроеніи, строго-православномъ направленіи, при той же библейской образности, красотѣ и въ изложеніи, имѣютъ, въ той или другой мѣрѣ, и прочія статьи Андрея Петровича, которыя, по сему, особенно пригодны были бы для воспитанія подрастающихъ поколѣній въ томъ благотворномъ духѣ, какимъ вѣетъ отъ этихъ статей и которыя, по сему же, какъ разсѣянные по разнымъ, отчасти уже прекратившимъ свое существованіе, повременнымъ изданіямъ⁴⁾,—повторимъ выраженное въ 1895 году желаніе⁵⁾,—хорошо и благо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 23

²⁾ См. стр. 11—12 отдѣльнаго отгиска статьи „Обычныя дѣла въ старыя времена“. Москва, 1895 г

³⁾ Этимъ и объясняется смыслъ выраженной заглавіи статьи *Обычныя дѣла* и проч. Дѣла дѣла состояли именно въ походахъ военныхъ.

⁴⁾ Таковы, напримѣръ, *Православное Обзорніе, Читеніи въ общ. люб. дѣл. просвѣщенія* и *Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцовъ*

⁵⁾ См. *Богословскій Вѣстникъ* 1895 г., ноябрь, стр. 276 отгѣва IV-го

временно было бы собрать во едино и издать въ полномъ видѣ.

Въ виду такой плодотворности и благотворности профессорской и учено-литературной дѣятельности почившаго и высшее начальство, и академія и общество высоко цѣнили его. Такъ, Андрей Петровичъ уже въ 1881 году (7 сент.) возведенъ былъ въ званіе экстраординарнаго профессора, а 28 ноября 1895 г. получилъ и званіе заслуженнаго профессора; равнымъ образомъ и въ награжденіи орденами имѣлъ всѣ орденскія отличія до ордена св. Владиміра 4 степени включительно, который получилъ незадолго до смерти. А между тѣмъ, съ другой стороны, статьями его многіе рѣшительно зачитывались и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ихъ въ журналахъ, не смотря на то, что авторъ по большей части не подписывалъ подъ ними свое имя. Это свидѣтельствовало объ оцѣнкѣ его дѣятельности среди общества, каковая оцѣнка еще нагляднѣе выступила во время празднованія 25-лѣтняго юбилея его дѣятельности въ 1895 году.

Но свѣтъ слова Божія не только освѣщаль умъ почившаго, свѣтился въ плодахъ его умственной дѣятельности, а и проникалъ все существо его, свѣтился и въ жизни его. Это былъ человѣкъ глубоко вѣрующій, истинный и вѣрный сынъ православной Церкви. Онъ былъ всегда однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей академическаго храма и горячихъ молитвенниковъ въ немъ. Съ какою вѣрою и покорностію волѣ Божіей принималъ онъ тяжкія семейныя испытанія, выпавшія на его долю, — сперва (въ 1879 г.) потерю любимой супруги, умершей во цвѣтѣ лѣтъ, а потомъ (въ 1895 г.) и едва разцвѣтшаго, подававшаго благія надежды сына-первенца! Съ какимъ благоговѣніемъ и и особенно за продолжительное время своей предсмертной болѣзни приступалъ онъ къ св. таинству тѣла и крови Христовой! Съ какимъ смиреніемъ, уже чувствуя приближеніе своей кончины и неминуемость ея во время этой болѣзни, онъ просилъ у всѣхъ прощенія!

Надломленное уже прежними тяжкими семейными испытаніями и безъ того некрѣпкое здоровье Андрея Петровича совсѣмъ пошатнулось послѣ кончины старшаго сына его Сергѣя Андреевича. Злой недугъ (чахотка), свившій гнѣздо въ

его некрѣпкомъ организмѣ, постепенно все болѣе и болѣе подтачивалъ основы жизни его. Прошедшій 1895—1896 учебный годъ Андрей Петровичъ уже съ трудомъ исполнялъ свои профессорскія обязанности, хотя, по обычаю, честно старался относиться къ нимъ. Мы видѣли его крайне изнуреннымъ въ церкви, на лекціяхъ, на засѣданіяхъ совѣта и проч., нерѣдко въ лихорадочномъ состояніи, но все же еще не желавшимъ порывать дорогой связи съ академіею, не покидавшимъ намѣренія послужить ей. Къ концу означеннаго года однако же онъ роковою болѣзнію своей вынужденъ былъ просить увольненія отъ службы, и отъ 6 сентября 1896 года послѣдовало это увольненіе съ назначеніемъ пенсіи увольняемому, которая ему, какъ не имѣвшему почти никакого собственнаго состоянія, а между тѣмъ на попеченіи своемъ имѣвшему, кромѣ сына (Якова Андреевича) еще не окончившаго курсъ высшаго образованія, нѣкоторыхъ изъ членовъ семейства своего родителя, была теперь особенно дорога. И не даромъ онъ такъ горячо, съ такою глубокою благодарностію къ почившему въ Бозѣ Государю Императору Александру III. Высочайшимъ указомъ 25 іюля 1894 года, увеличившему пенсію наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній при выходѣ ихъ со службы въ отставку ¹⁾, привѣтствоваль эту, въ виду другихъ милостей, великую милость нынѣшнему отечественному „левитскому“ (т. е. духовному) сословію въ своей статьѣ, выше упомянутой: „Сроки скорби и памяти объ умершемъ“. По обычаю довольно подробно изложивъ ветхозавѣтную исторію сѣтованія и памяти объ умершихъ, и главнымъ образомъ о царяхъ, изъ коихъ нѣкоторые, божье другихъ милостивые, благочестивые и чтимые при жизни, и по смерти удостоивались особенно торжественнаго погребенія, особенно горькаго сѣтованія, авторъ переходитъ мыслію къ почившему 20 октября 1894 года Государю Императору Александру Александровичу, столь много великихъ милостей сдѣлавшему и для народа русскаго вообще и для духовнаго

¹⁾ Такъ, прежде экстраординарный профессоръ, получавшій окладъ содержанія по 2000 р. въ годъ, сколько бы ни служилъ, не могъ получить пенсіи болѣе 800 р. въ годъ, а съ 25 іюля 1894 г., прослуживъ 25 лѣтъ, онъ получаетъ вдвое болѣе 800 р. въ годъ, а прослуживъ 30 лѣтъ и полный годовой окладъ содержанія

сословія вѣдѣности, и говорить: „не одинъ день 20 октября есть „день нашего царя“. Это—день всероссійскій и даже болѣе того. И этотъ день есть, конечно, день священный для всѣхъ насъ, безъ исключенія и раздѣленія, напоминающій о великой потерѣ и побуждающій къ теплой молитвѣ и воспоминанію „о дѣяніяхъ и добродѣтеляхъ“, изливавшихся безразлично на всѣхъ и каждого за время его непродолжительнаго царствованія. Но въ календарь новозавѣтныхъ левитовъ по самой сущей справедливости, должны быть внесены памяти „о дняхъ преимущественно ихъ—левитовъ,—царя“. Такіе дни „должны остаться незабвенными въ умахъ и сердцахъ духовенства въ роды родовъ“. Это—день 28 декабря 1892-го года, 26 февраля 1893 и 25 іюля 1894 г. ¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ важныхъ для нашего левитства дней и вступающій на дѣйствительную службу учащій левитъ—священникъ, и кончающій такую службу волей-неволей будетъ припоминать опредѣляющія его службу слова милости, вышедшія изъ кедроваго дома: не остался ли кто нибудь? Я оказалъ бы милость (2 Цар. 9, 1). *Буду исполнѣ радѣ, когда Мнѣ удистся обезпечить все сельское духовенство...* Вотъ почему обязательнѣ для племени дома Левія особый плачъ; обязательнѣ вѣчное молитвенное памятованіе объ Александрѣ III-мъ. Вѣчная ему память“ ²⁾.

Не прошло года. какъ печатно высказаны были Андреемъ Петровичемъ эти добрыя во всѣхъ отношеніяхъ слова,— и „вѣчную память“ пришлось возглашать ему самому. Еще лѣто 1896 года какъ будто нѣсколько оживило его. Порадовало хорошею погодою и начало осени. Но вскорѣ болѣзнь взяла-таки свое, приковавъ страдальца къ одру болѣзни, сдѣлавшемуся и смертнымъ ему одромъ. Страдалецъ, до послѣдней минуты жизни не терявшій сознанія, ясно сознавалъ и печальное состояніе своего здоровья, не обманывался и относительно роковаго исхода болѣзни. Какъ истин-

¹⁾ Первый изъ этихъ трихъ степ. церъ Высочайшаго утвержденія ассигновки суммъ изъ Государственнаго Казначейства на восполненіе сельскому духовенству; во второй положена Царская резолюція на благодарственномъ адресѣ Св. Синода а третій— уже извѣстный степ. утвержденія увеличенныхъ пенсій по духовно-учебнымъ заведеніямъ.

²⁾ *Вогословскій Вѣстникъ* за 1896 г. январь, стр. 83—84

ный, вѣрующій христіанинъ, приготовился онъ къ переходу въ загробную жизнь: нѣсколько разъ въ теченіе болѣзни исповѣдывался и пріобщался св. Таинъ, а наканунѣ смерти и особоровался, сдѣлавъ все необходимыя распоряженія на случай своей смерти. Кончина его послѣдовала 1 декабря въ 7¹/₂ часовъ утра, на другой день послѣ дня его ангела, который онъ, конечно не праздновать, а провелъ въ ожиданіи неминуемой гостии—смерти. Едва только разнеслась по Сергіевому Посаду вѣсть о смерти Андрея Петровича, правда и для другихъ не неожиданной, вся академія, какъ одинъ человекъ, собралась, чтобы отдать послѣдній долгъ усопшему и какъ роднаго проводить его до могилы. Ежедневныя панихиды надъ усопшимъ въ квартирѣ его совершались были академическимъ духовенствомъ; пѣть при этомъ хоръ студентовъ; читали псалтирь по очереди также студенты. Выносъ тѣла усопшаго въ академическую церковь состоялся 4 декабря въ 8¹/₄ ч. утра. Предъ выносомъ, надъ гробомъ почившаго произнесены были рѣчи — сродникомъ его, преподавателемъ Ярославской духовной семинаріи Влад. Ив. Димитревскимъ и студентомъ 2 курса Московской духовной академіи П. С. Петровымъ. На гробъ возложены были вѣнки: отъ „сослуживцевъ“ по академіи, отъ „признательныхъ студентовъ“ и отъ „родной“ почившему Ярославской духовной „семинаріи“. Отъ квартиры до академической церкви тѣло усопшаго сопровождали: сродники его—Московскіе протоіереи Н. А. Копьевъ и В. О. Рудневъ и академическое духовенство, ближайшіе родственники,—сынъ, сестры покойнаго и др., профессоры и студенты академіи (студенты попеременно и несли гробъ) и многія другія лица, въ числѣ коихъ былъ между прочимъ товарищ покойнаго по академіи, магистръ одного съ нимъ курса Ѳ. Я. Павловскій—Михайловъ. —По внесеніи гроба въ академическую церковь, до начала литургіи сказана была рѣчь студентомъ 4 курса А. А. Грибановскимъ. Заупокойную литургію совершилъ о. ректоръ академіи архимандритъ Лаврентій въ сослуженіи съ помянутымъ о. протоіереемъ Н. А. Копьевымъ, священникомъ Сергіево-Посадской Христорождественской церкви М. П. Батрецовымъ (—духовникомъ почившаго), однимъ изъ сродниковъ усопшаго Московскимъ священникомъ Г. Я. Уваровымъ и прочимъ академическимъ

духовенствомъ. Протодіаконствовалъ также сродникъ почившаго, протодіаконъ Большаго Московскаго Успенскаго собора А. П. Уваровъ. Шѣли на обоихъ клиросахъ студенты академіи. Въмѣсто запричастнаго стиха профессоръ академіи Н. А. Заозерскій (землякъ почившаго) произнесъ глубоко-назидательное слово въ память усопшаго на текстъ: *имамы извѣстнѣйшее пророческое слово, елиже внимающе якоже свѣтлыи сіяюще въ темнѣхъ мѣсть, добръ творите, дондѣже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ* (2 Петр. 1, 19). На отпѣваніе, кромѣ совершавшихъ литургію, съ о. ректоромъ архимандритомъ Лаврентіемъ во главѣ, вышли еще: уномянутый выше о. протоіерей В. Ѳ. Рудневъ и другой сродникъ почившаго, Московскій священникъ, редакторъ „Воскреснаго Дня“ С. Я. Уваровъ¹. Предъ отпѣваніемъ и за отпѣваніемъ въ разное время произносили еще рѣчи слѣдующіе студенты: 4 курса—І. П. Кречетовичъ, А. К. Воляничъ (Ярославецъ) и Н. П. Николинъ и 3 курса—Д. П. Введенскій. Послѣ отпѣванія, за которымъ, какъ и за литургію, не смотря на будничныи день, кромѣ тѣхъ же, которые сопровождали гробъ при выносѣ его изъ квартиры, было много и постороннихъ молящихся, въ томъ числѣ о. ректоръ Виѣнскаго духовнаго семинаріи, архимандритъ Паросній съ нѣкоторыми изъ наставниковъ вѣреннаго ему семинаріи, тѣло усопшаго несено было, для погребенія, на Сергіево-Посадское Вознесенское кладбище, гдѣ уже погребены были ранѣе дѣти А. П. Смирнова; тѣло усопшаго и на этомъ дальнемъ пути и не смотря на холодную, вѣтривую погоду, сопровождали, кромѣ духовенства, во главѣ котораго теперь былъ протоіерей Н. А. Кошвевъ, и родныхъ, также во множествѣ профессора и студенты академіи, а равно и сторонніи лица. Въ кладбищенской церкви, куда гробъ на время поставленъ былъ для литіи и преданія тѣла землѣ, сказана была рѣчь еще студентомъ 3 курса (также Ярославцемъ) Н. А. Сахаровымъ. Погребеніе кончилось уже въ началѣ 3-го часа. Поминальная трапеза была учреждена въ покояхъ о.

¹⁾ Супруга почившаго профессора Анна Яковлевна была урожденная Уварова, родная сестра отцевъ С. Я. и С. Яковлевичей Уваровыхъ, а равно и супруги протоіерея Н. А. Кошвера.

ректора Академіи. За трансзою произнесены были краткія рѣчи въ память почившаго профессоромъ Н. А. Заозерскимъ, Н. Ѳ. Каптеревымъ и Н. Н. Корсунскимъ. Въ нихъ высказано было желаніе, чтобы разбѣянные въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи покойнаго, имѣющія большую цѣнность, были собраны и изданы въ ихъ совокупности, къ чему Н. Ѳ. Каптеревъ присовокупилъ желаніе, чтобы то же самое было дѣлаемо и съ трудами другихъ профессоровъ послѣ ихъ смерти.

Миръ праху твоему, вѣрный рабъ Божій, честный труженикъ на нивѣ науки и добрый человекъ—христианинъ и товарищъ. Да освѣняетъ тебя и тамъ, за гробомъ, тотъ свѣтъ святой и присносущный, который сіялъ для тебя уже и здѣсь, на землѣ, освѣщая путь твоего изслѣдованія и твоей жизни, и въ этомъ свѣтѣ да обрѣтетъ себѣ вѣчный покой и блаженную радость много страдавшей и перенесшей скорбей здѣсь, на землѣ, духъ твой.

Вѣчная тебѣ память.

Ив. Корсунскій.
